

Д. Г. Янченко

Колонизация русско-китайского фронта и пограничья в современных исследованиях

Янченко

Денис Геннадьевич

канд. ист. наук, доц.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Статья подготовлена
при финансовой
поддержке проекта
Российского научного
фонда № 22-28-01267
«Частный капитал
или государство?
Общественная
дискуссия о путях
экономического
развития России
(вторая половина
1870-х — первая
половина 1890-х
годов)»

Проблемы истории стран Азии — одно из наиболее актуальных направлений зарубежной историографии. За последние три столетия континент претерпел огромные изменения: колониализм, войны, оккупацию, революции, индустриализацию. Авторы все чаще обращаются к изучению различных аспектов экономической, политической и социальной истории отдельных стран, а также широко анализируют региональные проблемы. Для отечественной историографии наибольший интерес представляют работы о российско-китайском пограничье и фронтире. По итогам 2023 г. отметим, например, монографию «Competing imperialisms in Northeast Asia: New perspectives, 1894–1953»¹, вышедшую в серии книг издательства Routledge по Новой истории Азии, а также переведенную на русский язык книгу Сёрена Урбански «За степным фронтиром: история российско-китайской границы»².

Переход к современному облику пограничных регионов во многом связывается с наступлением периода империализма с середины XIX до середины XX в. В тот период современная экономика в пограничье играла не столь значимую роль, как традиционные торговые связи и хозяйственные уклады, сложившиеся в предыдущие эпохи. Впрочем, вынужденные и неудачные политические решения нередко перевешивали системные преимущества и препятствовали формированию стабильных общин³.

Сухопутная российско-китайская граница — одна из самых протяженных в мире, но в современной историографии ей уделяется недостаточно внимания. Книга

С. Урбански — исследователя из Германского исторического института в Вашингтоне и Калифорнийского университета в Беркли — одна из попыток западных авторов рассмотреть процесс оформления государственных границ России и Китая. Цель западных исследователей очевидна: выстроить в интересах англо-американской элиты и общества картину российско-китайских отношений, с одной стороны, формально основанную на историческом опыте двух стран, с другой — удобную для мировосприятия. Например, в интервью в мае 2022 г. С. Урбански сделал акцент на «тесной взаимозависимости» России и Китая: «Сегодня это не альянс, а скорее партнерство. Интересы во многом совпадают, но на фоне экономических контактов с Западом Китай избегает слишком тесного сближения с Россией: Запад просто-напросто важнее для реализации “китайской мечты”; экспорт Китая только в ЕС и Великобританию почти в десять раз превышает экспорт Китая в Россию»⁴. При этом многочисленные международные правовые злоупотребления и прямые военные угрозы со стороны США и их сателлитов в отношении России и Китая игнорируются. В основе западных методологических подходов лежит теория фронта: «Пограничная территория на Дальнем Востоке рассматривается как точка сборки геополитических и геоэкономических интересов, прежде всего Российской империи (а также Китая, Японии, Англии и США), что способствовало вливанию в этот регион финансовых, социальных и демографических ресурсов и в конечном счете стимулировало модернизацию Дальнего Востока, вне зависимости от результатов тех или иных политических амбиций»⁵.

Как историк, Урбански изучает формирование и изменение границы с XVII в. (времени существования фронтальной территории без установленного размежевания) и заканчивает XX в., когда линия границы обрела геополитическое значение и превратилась в отлично контролируемый барьер. Источники для работы Урбански почерпнуты из региональных архивов Сибири и Дальнего Востока, Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива и Российского государственного военного архива, из документов Национального управления архивов и документации США (National Archives and Records Administration, NARA); использована достойная подборка периодики и опубликованных мемуаров, статистических изданий.

Автор исходит из того, что государствам «посредством законодательных мер, депортаций, принудительной ассимиляции и пропаганды»⁶ удалось навязать населению контроль над родственными, культурными, экономическими и религиозными связями по обе стороны границы. При этом не рассматриваются варианты добровольного принятия интеллектуальной культуры и правовых практик титульной нации населением пограничья в России и в Китае, их преобладания в повседневной жизни общин вдоль русско-китайской границы в XX в.

Интеллектуальная культура определяет стиль мышления эпохи, а значит, алгоритмы поведения. Применительно к России XIX–XX вв. это особенно важно.

Категориальный аппарат — не результат индивидуального творчества, не следствие усилий ведущих мыслителей эпохи. Творчество ученых и публицистов в первую очередь транслирует концепты, популярные в рамках данной интеллектуальной культуры. Для российского пограничья это, безусловно, русское и советское наследие. Изучать его — значит исследовать сложившуюся систему понятий. Подмена национальных понятий англо-американскими терминами составляет заметную трудность для взаимопонимания исследователей разных стран, ведь четких критериев наименований даже дореволюционных правительственных учреждений в иностранных языках нет. По мнению С. Урбански, в пограничье, где власть «империй или национальных государств еще фрагментирована, а механизмы контроля еще слабы, местные общества способны оспаривать, разрушать и преодолевать гегемонию». Фронтир (*frontier*) в книге определяется как «отдаленная, малонаселенная и нечетко определенная территория, располагающаяся за пределами периферии двух или более ключевых политических сил»⁷. Метрополии со временем культурно, экономически и политически проникают в эти промежуточные зоны контакта.

Исторически русские, живущие в Восточной Сибири и регионе Хэйлунцзян, вели частную торговлю с китайскими купцами, и китайские товары доставлялись в Албазин, Нерчинск и другие города через торговцев из этнических меньшинств, например монголов. Урбански выделяет три этапа отношений между Российской и Китайскими империями «на общем степном фронтире»: первый связан с прибытием казаков в Забайкалье — «до конца XII в.» (очевидна опечатка — должно быть «XVII в.»), второй характеризуется равновесием сил Пекина и Петербурга, «установлением постоянной, не неполноценной границы, контролируемой обеими сторонами», третий — с 1851 г. — связан с «усилением влияния России», а «русские казаки войска начали распространять свое косвенное влияние на китайский берег реки Аргунь»⁸.

Первый период Урбански практически не рассматривает, он придает значение миграционным процессам. Между тем в XVII в. в Тобольск поступало значительное количество китайских товаров, в частности тканей. Торговлю с Китаем вели агенты московских купцов. Они часто жили в Иркутске, Нерчинске, Албазине и других городах. Именно Нерчинск постепенно стал базой для китайско-русской частной торговли во всем пограничье. И. Ушаков, С. Лузин, Н. Кириллов и другие организовывали частные торговые экспедиции⁹. После двух сражений за Албазин, заключенный Нерчинский договор предусматривал, что с момента его подписания любой человек, имевший документ, мог пересекать границу и осуществлять торговую деятельность. В тот период, конечно, не было таких огромных масштабов товарооборота, как на юго-восточном побережье, русские товары еще не пользовались широким спросом на китайском рынке. Торговля, как известно, являлась дипломатическим и политическим средством для цинских властей. Китай не отправлял караванов на север, предпочитая места с удобной логистикой, прибрежные юго-восточные города. Причина незначительного объема торговли видится в уникальности товаров: меха, шелк, драгоценные камни, жемчуг являлись предметами роскоши. Цинские законы о внешней торговле содержали ограничения в отношении торговых зон.

Позже, чтобы поддерживать порядок в зоне беспошлинной торговли по обе стороны границы, Китай и Россия размещают здесь чиновников для управления и войска. Вначале цинское правительство не облагало налогом торговцев в своей собственной территории, но в 1752 г. создало пункты оплаты пошлин. «В 1757 г. была запрещена иностранная торговля во всех портах, кроме Гуанчжоу, но даже там европейцам не было позволено селиться в пределах городской черты. Им не разрешалось изучать китайский язык, а китайцев, обучающихся “заморских варваров”, могли даже казнить. Китайским купцам было запрещено строить большие корабли, плавать на иностранных судах, общаться с “заморскими варварами” и изучать их языки. Вся торговля с иностранцами сосредоточилась в руках торговой корпорации “Гунхан”, находившейся под контролем властей»¹⁰. Китайские торговцы платили налоги, когда отправлялись в Кяхту и Улан-Батор для торговли. Россия всегда взимала налоги на своей территории. Династия Цин не доверяла китайским купцам, ограничивая их активность и увеличивая операционные издержки сложными бюрократическими процедурами как на морской, так и на сухопутной границе. К сожалению, столь важной части становления русско-китайских пограничных отношений в книге Урбански почти не уделяется внимания.

Первой страной, нарушившей традиционную китайскую дипломатическую схему торговли как «взимания дани», была Россия. Нерчинский и Кяхтинский договоры, подписанные полномочными представителями двух стран и одобренные императорами, имели огромную юридическую силу и внесли изменения в правовую систему Китая. Поздняя колонизация Маньчжурии китайцами вела к появлению системы договорных портов и регламентации торговой политики угасающей Цинской империи.

«Дихотомия “нация — империя” слабо применима к мультиэтническому характеру Российской и Китайской империй. Такие империи не обязательно обладали меньшими возможностями разрешения сложностей, вызванных региональным разнообразием, чем этнически и культурно более гомогенные национальные государства»¹¹.

Считается, что Кяхта являлась рынком с наибольшим масштабом двусторонней торговли и самым длительным временем влияния; город навсегда останется в китайско-российской коммерческой истории. С заключением Кяхтинского договора торговля в этом городе вступила в стабильную стадию развития: «...к 60-м годам XIX в. Россия и Китай создали единое торговое континентальное пространство, которое, как предполагалось в среде российской политической и торговой элиты, должно было обеспечить сбыт товаров в условиях открытия империи Цин для мировой экономики. Однако этого не произошло: Кяхтинская торговля к 1890-м годам стала практически односторонней чайной торговлей, а Маньчжурия занимала едва 1 % от общего объема торговых отношений. Ситуация с российским экспортом лучше выглядела в Синьцзяне, но из-за кризиса в регионе в течение 1870-х — начала 1880-х годов торговля здесь развивалась неравномерно и была подвержена геополитическим рискам»¹².

Урбански достаточно подробно характеризует незаконную торговлю алкоголем, опиумом и золотом в приграничной полосе, однако в экономических

и колониционных вопросах сосредотачивается почти исключительно на последнем этапе существования Российской империи¹³ и советской эпохе.

В подконтрольной Китаю Монголии кочевники не приветствовали ужесточения границ. «Местные кочевники охраняли степную и речную границу вдоль Забайкалья с XVIII в., а физическое укрепление Хулун-Буира продолжало ускоряться во второй половине XIX в.»¹⁴. За исключением казаков, миграция на Дальний Восток развивалась медленно. В целом С. Урбански много внимания уделяет проблемам освоения приграничных территорий на рубеже столетий, слабости пограничного контроля по обе стороны, росту «национализмов» титульных наций и коренных народов (вторая и третья главы книги). Новый этап китайской миграции в Россию начался в 1870-х годах в ответ на спрос на рабочую силу на российском Дальнем Востоке и в Сибири, а также в связи с тяжелыми экономическими условиями в Северо-Восточном Китае. Миграция в тот период была обусловлена классическими «выталкивающими» факторами, но без политической составляющей такое движение не могло бы состояться. «Во второй половине XIX века местные власти отдавали предпочтение представителям “желтой расы” (термин, использовавшийся в официальных российских документах до революции 1917 г.)»¹⁵.

Китайцы в России формально пользовались правом экстерриториальности, хотя оно и не соблюдалось русскими строго и было отменено только в 1883 г. Население европейской части Российской империи неохотно переселялось на приобретенные земли, и российские власти поначалу благосклонно относились к подданным соседних государств, поскольку в тот момент иностранная миграция казалась единственным способом освоения территории¹⁶. Отметим появившуюся в научной литературе характеристику системных миграционных факторов, которые были благоприятны для притока китайских и русских переселенцев в пограничные регионы¹⁷.

В 1880-е годы после оживленных дискуссий о роли частного и государственного капитала в экономике весы общественных настроений и правительственной политики все более склонялись к убеждению в необходимости государственной собственности на стратегически важные сферы народного хозяйства: железные дороги, горные заводы и леса. Безусловно, это касалось и такой щепетильной сферы, как освоение пограничья Российской империи. Первую в историографии попытку комплексного анализа экономической публицистики влиятельной газеты А. С. Суворина «Новое время» за 1880-е годы предпринял А. Э. Котов. Удивительно, в тот период речь шла о привлечении частных средств на строительство Транссибирской магистрали «которая осуществит свою задачу лишь тогда, когда чья-нибудь энергия подвинет дорогу смело рукою до Волги с одной стороны и Амура и Тихого океана — с другой»¹⁸. Публицисты отмечали: «Уж конечно, не у казенных строителей отыщем мы эту энергию и не в казенных сундуках найдем те сотни миллионов, которые необходимы для грандиозного предприятия»¹⁹. Показательно, что русские публицисты имели лишь самое общее представление о русско-китайском пограничье, живущем там населении и перспективах удержания региона²⁰. К концу десятилетия они были вынуждены поддержать правительственную линию. Тем

не менее существенное место в дискуссиях о роли государства в экономике сыграло обсуждение проблем, связанных с экономическим освоением окраин, как среднеазиатских, так и дальневосточных. Урбански отмечает: «Возможности империй по установке, укреплению и поддержанию международной границы со временем росли. Этот рост стал возможен благодаря техническому и организационному прогрессу, а также увеличению финансовых вложений. Только установив телеграфную сеть, построив железную дорогу и внедрив другие достижения современности, империи преуспели в усилении контроля и приближении периферии к метрополии»²¹.

Поражение в Русско-японской войне заставило российские власти поменять стратегию: вместо территориальной экспансии основной задачей стало заселение региона русским населением и обеспечение безопасности пограничья. В межвоенный период за счет бюджетных средств финансировались инфраструктурные проекты, начался самый масштабный этап русской колонизации приграничья. Постройка Амурской железной дороги, как ранее Транссибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), существенно ускорила колонизацию обширных, но слабозаселенных территорий Приамурья. Зарубежные исследователи русской колонизации обращают внимание на финансирование, участников, организационную структуру и бюрократическую идеологию колонизации пограничья. Помимо национального фактора, эта «идеология отстаивала технократические знания, пропагандировала формы научного вмешательства государства и ставила во главу угла “производительный” труд, а не “спекуляцию”»²².

На фоне русского проникновения в Маньчжурию для империи Цин важным было именно сохранение за Обществом КВЖД формального и юридического статуса коммерческого учреждения, не допуская превращения служащих КВЖД в правительственных чиновников. Назначение китайского сановника на должность председателя Правления создавало для Цин ситуацию морального превосходства над царизмом, дипломатической победы в условиях нараставшего народного недовольства в Китае. Русско-японское соглашение 1907 г. изменило военно-политический расклад и закрепило статус русского и японского населения в Маньчжурии²³. Таким образом, «анализ договорной системы портов в Маньчжурии в сочетании с изучением топографии региона показывает, что политический и военный выбор, сделанный соперничающими империями, был продиктован экосистемой, ее орографией, гидрографией и соответствующими системами водных путей, что отразилось на расселении русского и японского населения в этом регионе»²⁴. По заключению С. Урбански, «железные дороги на деле увеличили неконтролируемое движение через границу, позволив возникнуть новым и независимым видам контактов между представителями разных политических, этнических, экономических, религиозных и общественных групп... Русские и китайцы фронта так и не сформировали общий культурный код, однако они были знакомы друг с другом благодаря торговле и находили способы взаимодействия. Многие быстро адаптировались к меняющейся ситуации на границе. Однако у их потомков было еще меньше вариантов приспособления. Они могли принять правила, установленные государствами, или уехать»²⁵. Как

видим, Урбански использует подход, характеризующий политику англосаксонских и европейских государств по отношению к коренному населению контролируемых территорий на протяжении столетий колониального господства.

Границы империи и государства-нации, разумеется, могут различаться. Как пишет британский исследователь российского происхождения А. Титов, «тот факт, что национальные государства наследуют имперские территории, ничего не говорит нам о механизмах, с помощью которых они встраивают их в географическое тело нации»²⁶.

Маньчжурская династия входила в противоречия с растущим ханьским национализмом, «что не позволило ей пойти по пути Романовых и Мэйдзи и превратить империю Цин в ханьское национальное государство, хотя Цин по-прежнему использовала идею естественного единства территории и народов, живущих в ее границах»²⁷. Тем не менее те земли, которые во второй половине XIX в. были зоной соперничества империй, к середине XX в. стали частями национальных государств. По мнению С. Урбански, оформление границы между двумя крупнейшими евразийскими державами «происходило в ходе противоборства и сделок между различными группами местного приграничного общества, различными политическими силами, стремившимися утвердить свое господство над границей и прилегающими к ней территориями, политическими метрополиями и периферийным приграничным населением»²⁸.

Основной тезис книги Урбански состоит в том, что местные жители, как и государства, участвовали в создании российско-китайской границы. Вместе с тем существует и другое утверждение: формирование новых границ между Россией, Китаем и Японией происходило «через призму национального присвоения имперских земель»²⁹. Оценки ситуации на КВЖД в российской прессе начала XX в. свидетельствуют об обеспокоенности общественности перспективами русской присутствия на Северо-Востоке Китая, неэффективностью использования государственных средств и методов руководства дорогой. М. В. Ходяков пишет: «Авторы публикаций отмечали не только тотальное воровство, но и грядущую “желтую опасность” для пограничных российских территорий. Описания комфортной жизни в “счастливой Хорватии” (как именовали администрацию Управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата) в исследуемый период на страницах прессы практически не встречаются»³⁰. Урбански негативно характеризует управленцев на КВЖД, хотя такая вставка об А. Н. Никитине в тексте выглядит несколько необоснованно³¹.

Империя Цин считала приграничные районы буферными зонами для защиты от иностранного вторжения, и это не в меньшей степени относилось к республиканскому правительству Китая. «Политика поддержания буферных зон была известна как “пограничный экран” (*pingfan* 屏藩, или *fanli* 藩篱)... После падения Цин в 1911 г. необходимость сохранения пограничного экрана стала одним из ключевых аргументов сторонников принципа Большого Китая (*Da Zhongguo zhuyi* 大中国主义), выступавших за сохранение неханьских границ»³². Решение пекинского двора о разрешении китайской миграции в Маньчжурию было принято в конце XIX в. из соображений безопасности, чтобы воспрепятствовать русским и японским посягательствам.

В российском контексте формальное включение территории в состав империи не означало, что она была признана российским обществом или официальными лицами как принадлежащая к символической географии исконно русских земель. «Заселение вновь приобретенных территорий этническими русскими было ключевым аспектом присвоения как с имперской позиции, так и для народного восприятия»³³. Дальний Восток оказался одним из последних присоединений к Российской империи, но сегодня он рассматривается как естественная часть Российской Федерации. «Пограничье (borderland) обозначает территориальную единицу, возникшую из фронта на периферии государства в процессе конкуренции империй или национальных государств и создания жесткой, четко определенной линейной границы посредством навязанных государством изменений в экономической, политической, военной, этнической, социальной и культурной среде»³⁴. Победа Коммунистической партии Китая над Гоминьданом в 1949 г. предопределила улучшение отношений между Китаем и СССР до середины 1960-х годов. «Начало и конец этого короткого периода вновь были обусловлены политико-идеологическими факторами. Те китайцы, которые по каким-то причинам остались в Советском Союзе, были вскоре советизированы и поглощены местным обществом»³⁵.

В начале своей работы Урбански отмечает, что применяемая терминология «не позволяет объяснить сложную природу пограничья, в котором продолжают существовать некоторые укорененные на местности и гибкие характеристики фронта»³⁶. Согласимся с этим мнением и добавим, что ключевым фактором политики России в Северо-Восточной Азии как в царскую, так и в советскую эпоху признавалась не столько экономическая составляющая, сколько осознанная необходимость контролировать стратегически расположенные территории по соображениям геополитики и безопасности. В этом контексте перспективным направлением представляется проект зарубежных исследователей, связанный с визуализацией исторических данных о «пограничьях» Северо-Востока Китая. Например, территория, изучаемая в рамках проекта Economic and Social Research Council (ESRC) «Competing Imperialisms in Northeast Asia» («Конкурирующий империализм в Северо-Восточной Азии», Университет Белфаста, Великобритания), включала в себя регион, охватывающий российский Дальневосточный край, область Северо-Восточного Китая, известную как Маньчжурия, Корейский полуостров и Японский архипелаг. Монголия была намеренно исключена из исследуемой территории, чтобы проект по созданию оцифрованной карты оставался технически управляемым³⁷.

¹ Competing imperialisms in Northeast Asia: New perspectives, 1894–1953 / eds A. De Angelis, P. Robinson, P. O'Connor, E. Reisz, T. Reiko. Abingdon; New York, 2023.

² Урбански С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы. М., 2023.

³ Ходяков М. В., Ичжи С.: 1) Чума в Маньчжурии: российское общественное мнение об эпидемии на Китайско-Восточной железной дороге в 1910–1911 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2022. № 2. С. 93–106; 2) Временное правительство и «китайский вопрос» в России в 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2022. Т. 21, № 1. С. 45–56.

- ⁴ Бистро #18: Китай и Россия — антизападный альянс? (Интервью с Сёрен Урбански). URL: <https://www.dekoder.org/ru/article/bistro-18-kitay-i-rossiya-antizapadnyu-alyans> (дата обращения: 11.07.2024).
- ⁵ *Хамзин И.Р., Ганиев Р.Т., Кочнев А.В.* Конструируя фронтир: русско-китайская торговля как фактор модернизации Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. // *Журнал фронтирных исследований.* 2023. Т. 8, № 4 (32). С. 137.
- ⁶ *Урбански С.* За степным фронтиром. С. 17.
- ⁷ Там же. С. 18.
- ⁸ Там же. С. 40.
- ⁹ Подробнее см.: *Кириллова С.В., Шевцов В.В.* Нерчинск — Пекин: русские торговые караваны в 1689–1703 гг. // *Вестник Томского государственного университета.* 2018. № 435. С. 123.
- ¹⁰ *Самойлов Н.А.* Внешняя политика Китая при императоре Цяньлуэ // *Клио.* 2020. № 12 (168). С. 48–64. С. 60.
- ¹¹ *Урбански С.* За степным фронтиром. С. 21.
- ¹² *Хамзин И.Р., Ганиев Р.Т., Кочнев А.В.* Конструируя фронтир. С. 137–138.
- ¹³ *Урбански С.* За степным фронтиром. С. 104–115.
- ¹⁴ Там же. С. 131.
- ¹⁵ *Kovrigina N.* Shaping Chinese communities in Japan and Russia. The role of political factors // *Competing imperialisms in Northeast Asia: New perspectives, 1894–1953.*
- ¹⁶ Подробнее см.: Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / под ред. М. В. Ходякова. СПб., 2020. С. 110–111.
- ¹⁷ *Ходяков М.В.* Маньчжурское сельскохозяйственное общество и попытки создания Колонизационного банка в 1914–1915 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Сер.: История России. 2020. Т. 19, № 3. С. 673–683.
- ¹⁸ *Котов А.Э., Гусман Л.Ю.* Экономическая публицистика «Нового времени» 1880-х годов // *Вестник Московского университета.* Сер. 8: История. 2023. Т. 64, № 4. С. 50.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Подробнее см.: *Янченко Д.Г.* Пограничье России и Китая позднеимперского периода в контексте пересмотра торгово-экономических отношений // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* История. 2023. Т. 68, вып. 2. С. 321.
- ²¹ *Урбанский С.* За степным фронтиром. С. 442.
- ²² *Holquist P.* “In accord with state interests and the people’s wishes”: The technocratic ideology of imperial Russia’s resettlement administration // *Slavic Review.* 2010. Vol. 69, no. 1. Spring. P. 157.
- ²³ Подробнее см.: Центр и регионы. С. 94–95.
- ²⁴ *De Angeli A.* Competing imperialisms in Manchuria mapping a contested and disputed territory // *Competing imperialisms in Northeast Asia: New perspectives, 1894–1953.*
- ²⁵ *Урбански С.* За степным фронтиром. С. 443.
- ²⁶ *Titov A.* National appropriation of imperial lands in Northeast Asia // *Competing imperialisms in Northeast Asia: New perspectives, 1894–1953.*
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ *Урбански С.* За степным фронтиром. С. 14.
- ²⁹ *Titov A.* National appropriation of imperial lands in Northeast Asia.
- ³⁰ *Ходяков М.В.* «Громадная пивка, присосавшаяся к государственному сундуку»: Китайско-Восточная железная дорога в оценках российской прессы начала XX в. // *Вестник архивиста.* 2023. № 2. С. 354–363. С. 360.
- ³¹ *Урбански С.* За степным фронтиром. С. 443.
- ³² *Titov A.* National appropriation of imperial lands in Northeast Asia.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ *Урбански С.* За степным фронтиром. С. 19.
- ³⁵ *Kovrigina N.* Shaping Chinese communities in Japan and Russia.
- ³⁶ *Урбански С.* За степным фронтиром. С. 19.

³⁷ Подробнее см.: Competing imperialisms in Northeast Asia. URL: <https://pure.qub.ac.uk/en/activities/competing-imperialisms-in-northeast-asia-new-perspectives> (дата обращения: 12.07.2024).

Статья поступила в редакцию 4 октября 2023 г.

Рекомендована к печати 27 декабря 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Янченко Д. Г. Колонизация русско-китайского фронта и пограничья в современных исследованиях // *Новейшая история России*. 2024. Т. 14, № 2. С. 520–530. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.216>

Аннотация: Проблемы истории стран Азии — одно из наиболее актуальных направлений зарубежной историографии. За последние три столетия Азия претерпела огромные изменения: колонизации, войны, революции, оккупацию, индустриализацию. Авторы все чаще обращаются к изучению различных аспектов экономической, политической и социальной истории отдельных стран, а также проводят более широкий анализ региональных проблем. Для российской историографии наибольший интерес представляют работы о российско-китайском пограничье и фронтах. Переход к современному облику пограничных регионов во многом связывается с наступлением периода империализма. Ключевой аргумент состоит в том, что с середины XIX до середины XX в. системные миграционные факторы были благоприятны для притока китайских и русских переселенцев в пограничные регионы. Негативное политическое влияние в решающие моменты часто перевешивало эти системные преимущества и препятствовало формированию стабильных общин. В издательстве Routledge вышла серия книг по Новой истории Азии, опубликованы отдельные монографии, уже переведенные на русский язык по этой теме. Основное внимание в статье уделено двум новым работам: книге С. Урбански, осмысляющей пространство русско-китайского пограничья и фронта, и коллективной работе Университета Белфаста, опубликованной в 2023 г. по итогам международного научного проекта. Автор обращается к так называемому имперскому периоду, заложившему основы более жесткой политики в XX столетии. Экономика империализма в пограничье играла не столь значимую роль, как традиционные торговые связи, системы хозяйствования, сложившиеся в предыдущие эпохи.

Ключевые слова: фронт, пограничье, колонизация, Дальний Восток, Российская империя, империя Цин.

Сведения об авторе: Янченко Д. Г. — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); d.yanchenko@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Yanchenko D. G. 'Colonization of the Russian-Chinese Frontier and Borderland in Contemporary Studies', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 2, 2024, pp. 520–530. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.216> (In Russian)

Abstract: The history of the Asia is one of the most topical areas of foreign historiography. Over the last three centuries Asia has undergone enormous and far-reaching changes: colonization, wars, revolutions, occupation, and industrialization. Authors are increasingly turning to the study of various aspects of the economic, political and social history of certain countries, as well as making a broader analysis of regional problems. For Russian historiography, the works on the Russian-Chinese frontier and frontiers are of the greatest interest. The transition to the modern image of border regions is largely attributed to the advent of the period of imperialism. The key argument is that from the mid-nineteenth to the mid-twentieth century, systemic migration factors were favorable for the influx of Chinese and Russian migrants to the border regions. Negative political influences at crucial moments

often outweighed these systemic advantages and prevented the formation of stable communities. We note the series of books by Routledge Publishers on the New Asian History, separate monographs already translated into Russian on this topic. The article focuses on two new works — S. Urbansky's book, which conceptualizes the space of the Russian-Chinese borderland and frontier, and a collective work by the University of Belfast, published in 2023 as a result of an international research project. This article pays particular attention to the so-called imperial period, which laid the foundations for the more rigid politics of the twentieth century. The economics of imperialism in the frontier would play a less significant role than the traditional trade relations, economic systems established in previous eras.

Keywords: frontier, borderland, colonization, Far East, Russian Empire, Qing Empire.

This research was funded by the Russian Science Foundation project no. 22-28-01267 "Commercial capital or the state one? Public debate about the path of Russia's economic development (second half of the 1870s to first half of the 1890s)".

Author: *Yanchenko D. G.* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); d.yanchenko@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

Competing imperialisms in Northeast Asia: New perspectives, 1894–1953, eds A. De Angeli, P. Robinson, P. O'Connor, E. Reisz, T. Reiko (Abingdon, Oxon — New York, 2024).

Hamzin I. R., Ganiev R. T., Kochnev A. V. 'Constructing the frontier: Russian-Chinese trade as a factor in the modernization of the Far East at the turn of the 19th and 20th centuries', *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, no. 4, 2023, pp. 133–152. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.491> (In Russian)

Holquist P. "'In accord with state interests and the people's wishes": The Technocratic ideology of imperial Russia's resettlement administration', *Slavic Review*, vol. 69, no. 1, Spring, 2010, pp. 151–179.

Khodjakov M. V. "'Giant leech on the state chest": The Chinese Eastern Railway in assessments of the Russian press of the early 20th century', *Vestnik arkhivista*, no. 2, 2023, pp. 354–363. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-2-354-363> (In Russian)

Khodjakov M. V. 'The Manchurian agricultural society and attempts to establish a colonization bank in 1914–1915', *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorii Rossii*, vol. 19, no. 3, 2020, pp. 673–683. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-673-683> (In Russian)

Khodjakov M. V., Sun Yizhi. 'Plague in Manchuria: Russian public opinion on the epidemic on the Chinese Eastern Railway in 1910–1911', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorii*, no. 2, 2022, pp. 93–106. (In Russian)

Khodjakov M. V., Yizhi Sun. 'The provisional government and "Chinese question" in Russia in 1917', *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorii Rossii*, vol. 21, no. 1, 2022, pp. 45–56. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-45-56> (In Russian)

Kirillova V. S., Shevtsov V. V. 'Nerchinsk — Beijing: Russian trade caravans in 1689–1703', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 435, 2018, pp. 121–126. <https://doi.org/10.17223/15617793/435/15> (In Russian)

Kotov A. E., Gusman L. Yu. 'Economic journalism of the Novoe vremia of the 1880s', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorii*, vol. 64, no. 4, 2023, pp. 39–62. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-39-62> (In Russian)

Samoylov N. A. 'Chinese foreign policy during the reign of the Qianlong emperor', *Klio*, no. 12 (168), 2020, pp. 48–64. (In Russian)

Urbansky S. *Beyond the steppe frontier: A history of the Sino-Russian border* (Moscow, 2023). (Rus. ed.)

Yanchenko D. G. 'The Russian-Chinese borderland in the late imperial period in the revision of trade and economic relations', *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 68, iss. 2, 2023, pp. 317–333. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.202> (In Russian)

The Center and the regions: State economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917), ed. by M. V. Khodjakov (St. Petersburg, 2020). (In Russian)

Received: October 4, 2023
Accepted: December 27, 2023